

Лариса Сугатова

Свет в конце
пути

Лариса Сугатова

Свет в конце пути

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69368473

SelfPub; 2024

Аннотация

Это история о девушке, отправившейся в дальний путь вместе с бывшим одноклассником. После случившегося апокалипсиса из-за ядерных взрывов они ищут город выживших людей. В пути придется преодолеть не одно препятствие.

Лариса Сугатова

Свет в конце пути

Их осталось мало. Совсем мало. Только те, кто успели укрыться в подземных пещерах остались в живых. Еды на всех не хватало. Пришлось включить режим жесткой экономики. Уже проявляли себя болезни из-за плохого питания и недостатка солнечного света, ставшего теперь губительным.

До того, как это случилось, солнце светило иногда ярко, иногда не очень. Белые ватные облака плавно плыли по небу, ветры случались нечасто. И вообще жилось хорошо, чего не скажешь о нынешнем состоянии снаружи, за пределами их бункера внутри большой пещеры. Пещера располагалась среди холмов, окружавших город.

После катастрофы наступила ядерная зима. Произошло резкое падение температуры, морозы стояли под сорок, солнечного света теперь катастрофически не хватало, выйти наружу без защиты нельзя.

Сухо. Ни дождей, ни снега. Сухие—пески поглотили все, кругом одна выжженная земля, растрескавшаяся от стилового холода. Остались лишь разрушенные пустынные города и пепел. Кругом пепел вперемежку с песком.

Сначала из больших городов уезжали толпы людей, во

многих местах вспыхивала, как порох от зажженной спички паника. Ее пытались пресекать, пока еще было кому, но вскоре это делать стало уже некому. Люди гибли, не имея укрытия. Многие ослепли, когда взглянули на вспышку при взрыве и блуждали теперь, пока не погибали.

Вскоре оставшиеся люди уже дрались за еду. Хотя многие стали обессиленными и сил на серьезные драки не было, но мелкие потасовки возникали часто.

Дороги постепенно становились все более и более пустынными, города и поселки все более заброшенными, заправочные станции и магазины опустошенными. От мира оставались лишь его очертания.

Прошел почти год, силы уже иссякли не только физические, но и моральные почти совсем. Очень давила тяжесть дальнейшей неизвестности. Как все будет?

Мне недавно исполнилось семнадцать. Уже несколько месяцев я жила в бункере. Последний год в школе только начался, когда случились взрывы. Тогда я и потеряла семью.

За прошедшие несколько месяцев так и не смогла никого из них найти. С теми, кто оказался в восточной части города близ окраины, укрылась в бункере, расположенном внутри пещеры.

Жили все в одном помещении. Спали на полу на деревянных досках, постелив у кого что было из одежды.

Еду выдавали понемногу, очень экономно. В одном из от-

секов бункера хранились продукты с долгим сроком годности, но так как бункер не достроили, продуктов было мало.

Все мои мысли постоянно находились с близкими, с теми, кого я любила. Я постоянно думала о том, что будь мы все вместе, возможно, весь этот кошмар выглядело бы иначе. По крайней мере в моем восприятии.

Там, где раньше находился оживленный город, теперь в оглушающей тишине, лишь торчали пустынные полуразрушенные здания, на первый взгляд пустынные. Оказалось, что там есть жизнь. Вот только можно ли это назвать жизнью.

Недалеко впереди увидела стайку копошащихся у чего-то крыс.

Через стекла противогаза рассмотрела странных существ, гораздо больше крыс. Мутанты? Зомби?

Я только хотела вернуться. Ненадолго. Увидеть свой дом.

На обратном пути пришлось бежать. Свора одичавших голодных животных едва не растерзала ее. Судорожно колотила руками в ярких оранжевых перчатках по двери. Музыкаой показался мне протяжный скрип тяжелой двери.

Это произошло в очередную вылазку в город. Я уже побывала на месте своего дома. Никого там не было. Ноги сами понесли к зданию школы. Бывшему зданию.

— Лина?— голос сзади прозвучал неожиданно.

Я медленно повернулась. Этот голос я не спутала бы ни с чьим другим.

— Паша? – во рту пересохло, хотя холод пробирал до костей.

— Значит, ты жива, – он облегченно вздохнул.

— Где ты живешь сейчас? – я смотрела на него широко раскрытыми глазами с нескрываемым изумлением.

— Живу... – он усмехнулся, – в погребе.

— Да. Все мы сейчас не живем, а выживаем. У нас в бункере осталось мало продуктов, и я не знаю, что будет дальше,

— Не могу похвастаться обилием еды. Тоже осталось немного из того, что было в погребе.

Мы стояли среди руин школы. Это было так странно. Больше никуда не надо было спешить, никаких уроков, занятий, ничего.

Решение пришло спонтанно.

— Лина, может, уйдем отсюда? – спросил он неожиданно.

— Куда, Паш? – обреченно спросила я.

— Говорят, на северо-востоке остался город. Там есть цивилизация, – голос его звучал не очень уверенно.

— Не знаю... – я колебалась, не зная, что делать.

— Хорошо. Давай встретимся завтра. Подумай. Если решишь идти со мной, я буду ждать тебя здесь.

Северный ледяной ветер пронизывает насквозь отсыревшую тяжелую одежду. Ледящее душу холодное дыхание зимы захватило все вокруг.

В бункере оставалось несколько человек. В последнее вре-

мя мы делили съестное очень скрупулезно, припасов оставалось совсем мало.

После встречи с Пашей я шла домой с каким-то новым чувством в душе. Помимо обычной напряженности, у меня появились проблески надежды.

А вдруг и правда остался целый город выживших? Тогда мы могли бы вернуть многое из утраченного. Возможно.

Но Данил, тот, кто постоянно твердил, как любит меня, и остальные отказались идти со мной. Они все утверждали, что я все выдумала, что нигде и ничего нет, никакого города выживших не существует, и незачем ходить среди этого, ставшего таким опасным, мира. На вопрос, что же они будут есть, они лишь пожали плечами и отвели глаза.

В конце концов пришло осознание о необходимости выдвинуться в путь. Мои товарищи не препятствовали мне, но никто из них не захотел отправиться со мной. Данил пытался отговорить меня, но его попытки сделать это не казались мне убедительными.

Мы встретились с Пашей в условленном месте. Как он в прошлый раз узнал меня, непонятно, ведь мы оба были в противогазах. По фигуре? Интуиция? Надо будет спросить.

Как же холодно. Северный пронизывающий ветер проникает до самых костей. Касаюсь чуть теплых губ ледяными кончиками пальцев, пытаюсь согреть окоченевшие руки ды-

ханием. Не особо помогает. Скорее даже вовсе не помогает. После мгновенного временного облегчения вдобавок к ощущению холода присоединяется чувство покалывающей боли.

Ступни совсем потеряли чувствительность, иду больше по инерции, как на ходулях. Зачем мы оказались в столь неподходящее время на этом мосту. Но иначе пришлось бы идти через реку по скользкому льду замерзшей реки. Еще сумки с пожитками в руках приходится постоянно переключать, иначе кровь совсем перестает бежать по сосудам в заочевневших руках.

Город тоже замерз, впал в забытие и спит в ожидании далекого тепла, даже крыс не видно. Когда-нибудь оно непременно наступит. Когда-нибудь придет весна и принесет с собой тепло и обязательно распустится зелень.

Редкие люди, попавшие под очередные порывы ветра, едва удерживаются на ногах, пытаются не дать сорвать с себя с трудом сохранившуюся одежду, без которой они совсем очеченеют и превратятся в ледяные статуи.

Надо поскорее миновать мост и убраться подальше. Непременно попытаться раздобыть теплый приют хотя бы на какое-то время. Растопим печь и согреемся, а там посмотрим. Возможно, стоит подождать какое-то время до смены этого адского холода теплом. Пожалуй, так мы и поступим.

Теперь мы оба лишились крова, хотя бы такого, который у нас был. И нам предстоял путь. Долгий путь.

При встече на развалинах школы мы поприветствовали друг друга. Это можно было назвать радостной пантомимой двух людей в противогазах.

Ежедневно мы проходим несколько километров. Вероятно, не более пяти-семи, ориентироваться приходится, полагаясь лишь на собственные ощущения. Еды осталось очень мало. Приходится делать частые остановки, чтобы набрать чистого снега и вскипятить воду. Кипяток помогает согреться. Не знаю, можно ли ее пить, но деваться нам некуда. Говорили, когда все случилось, что применялись бомбы с обогащенным ураном. Год, что прошел с момента взрывов, очень мало для того, чтобы исчезла радиация, но что нам делать?

Только бы не лишиться надежды, что мы сможем выбраться из этого снежно-ледяного плена, только бы не остаться одной. Мы оба вселяем друг другу надежду, чтобы идти вперед, пока есть силы. Но чтобы были силы, нужна еда. Мы растягиваем, как только можем консервы и сухари, взятые с собой.

Чем дальше мы шли, тем теплее становилось вокруг.
Наконец мороз сменился оттепелью.

Спустя несколько недель нам встретился небольшой разрушенный городок с редкими уцелевшими домами.

— Паш? – позвала негромко я.

— Да, Лина, нам необходим отдых, — отозвался он.

На ночлег мы устроились в этом доме. В погребе обнаружилась кое какая еда. Мало, но хоть что-то. Мы хотели есть. Припасов почти не было. Остались лишь несколько галет и полбутылки воды.

Я, наплевав на все предосторожности, выложила на кухонном столе найденное засохшее печенье и две банки тушенки.

— Паш, сегодня мы не уснем голодными. Не знаю, проснемся ли мы завтра, но я поем, потому что иначе, я все равно не смогу продолжить путь.

— Хорошо. Тогда нас будет двое. Мы же вместе.

Я стянула противогаз. Он давно уже толком не защищал, просто скорее психологически помогал избавляться хотя бы от части опасности.

Паша тоже снял свой и я увидела его такое знакомое лицо. За девять с небольшим лет учебы вместе я, пожалуй, хорошо его изучила, тем более, что в последний год в школе умудрилась в него немного влюбиться.

Поев, мы осмотрели дом более детально.

В комнате стояла большая кровать, стол с мягким креслом, шкаф с книгами. Мы вполне могли передохнуть.

Мое внимание привлекла репродукция над столом. Кандинский.

— Паш, тебе ничего не напоминает эта картина?

Паша повернулся, всмотрелся в картину и не задумываясь

ответил:

— Хаоса в нашей жизни и так предостаточно.

— Да что ты, Павел, – я строго взглянула на него, – какой же здесь хаос? Здесь все геометрически четко. Посмотри, наоборот все очень упорядоченно.

— Наверно ты права. Особенно клоун. Вон как четко и упорядоченно за нами наблюдает.

— Не думаю, что Кандинскому понравились бы твои рассуждения о его картине, – заметила я, давая понять Паше, что он не прав.

— Ну тебе виднее, Лина, что бы он подумал. Это же ты у нас художник.

До всего того, из-за чего мы оказались в нынешнем положении, я училась в художественной школе. Это и имел в виду Паша, когда назвал меня художником.

— Ничего, Паш. Наступит и в нашей жизни порядок. Пусть не геометрический, но он будет.

— Вот закончится это светопреставление, придем мы с тобой в художественный музей где много-много картин, и будем смотреть на твоего Кандинского, – сказал Паша с улыбкой.

— Между прочим, это великий художник и его картины всеобщее достояние. Ты только посмотри, какой месяц. Я всегда такой видела раньше.

— Ну уж что-что, а месяц остался в этом мире.

— Вот видишь, искусство вечно, – закончила я разговор,

и мы стали укладываться спать.

Спали мы по царски, в настоящей кровати. Правда пришлось положить между нами свернутое покрывало и строго посмотреть на Пашу перед сном. Он смутился и повернулся на другой бок, повернувшись спиной ко мне.

Утром я почувствовала, как солнечный луч, проникавший в комнату сквозь окно, нагрел мне ладонь. Но ничего не произошло. Не чувствовалось боли от ожога. Я осмотрела свое предплечье, но никаких признаков облучения не было. Что это? Ведь люди гибли в первые дни после взрывов по большей части именно от этого.

Мы все утро разговаривали об этом с Пашей. Возникли кое-какие предположения, но это казалось полным бредом. Сколько бы нам не осталось, нужно было продолжать путь.

Перед выходом в коридоре висела репродукция из журнала. Она зацепила меня.

— Паш, какая картина, посмотри!

— Ну люди. Танцуют. Праздник у людей, почему бы не потанцевать.

— Дело не в самом танце. А в том, как это преподносит художник. Посмотри, эти двое олицетворяют любовь. А те женщины, что стоят рядом...

— Лина, ты всегда видишь то, чего не вижу я.

— Паш, внимательно всмотришься и ты увидишь, что Эдвард Мунке хотел сказать своей картиной. Она ведь не просто так называется "Танец жизни". Девушки в белых платьях олицетворяют собой саму жизнь, они танцуют, они живут. А вокруг пары, где, девушка в красном, олицетворяющая любовь, стоят и сама жизнь в белой и смерть в черной одеждах. Они похожи, как близнецы. Между ними идет тайная и вечная борьба. И все это происходит на фоне реки, словно самой жизни в ее эпицентре – празднике любви.

— А ведь и правда, все так и выглядит после твоих слов. Откуда ты это знаешь? – Паша с легкой улыбкой смотрел мне в глаза.

— Я так чувствую, – тихо сказала я, глядя на репродукцию на стене.

— А я чувствую только любовь и жизнь. И никакую черную женщину не хочу замечать.

— Хорошо бы, если бы это было возможно.

Мы шли по пустынной дороге, убегаящей вдаль, и я размышляла. Тогда я сидела на уроке биологии и думала: "Как хорошо живется муравьям. У них и врагов-то нет особо. Если только съест кто".

Однако подумав, я изменила свое мнение. Муравьев и медведь может съесть, и птицы склевать, правда не знаю, какая птица захочет сесть на муравейник. А вдруг ей попадет одинокий муравей. Люди опять же. Зачем-то выкапыва-

ют и утаскивают к себе муравейники, снаббья какие-то делают. "Нет,==муравьем быть не так уж и хорошо, "– решила тогда я.

Уже давно все изменилось. В нынешнем мире муравьев наверно и не осталось совсем. Тощие длинноклювые голые птицы, словно снятые с вертела, давно поели их всех, а может муравьи тоже погибли при взрывах.

Вот жизнь наступила. Хоть бы нас самих не съели эти милые птички. Без трещетки в последнее время мы уже не ходим. Мало ли кому вздумается напасть. После того, как сорокаградусные морозы без снега, зато с радиоактивным пеплом сменились жарой, появились разные странные существа, так и норвящие сделать нас своей едой.

А вот у нас с едой проблема. Ее сложно найти. Выискиваем то, что осталось в подземных погребках в населенных пунктах. Эти птички точно не годятся для того, чтобы ими подкрепиться.

Паша и я брели по пустынной дороге, пока нам не встретился очередной поселок. На каком-то чудом уцелевших крышах снова сидят такие же птицы. Преследуют они нас что ли. Или расплодились повсюду.

Мы увидели полуразрушенное здание с надписью "Клуб".

Вошли в заброшенное здание, через вестибюль прошли в расткрытые двери зала. Все осталось стоять так, словно концерт вот-вот начнется. Видимо, участники так внезапно покинули зал и сцену, что ни о чем, кроме бегства и спасения не успели подумать.

Наверно намечалось какое-то торжество. Остались стоять столики с ведерками давно растаявшего и высохшего мороженого и иссохшие торты в коробках, какие-то подарки, которые так и не успели вручить победителям неизвестных нам конкурсов.

Портреты разных известных личностей, остались висеть над местом предполагаемого торжества.

Еще одно из многочисленных мест, что мы посетили за время нашего путешествия. Мы лицезрели темный зал.

— Паш, уйдем отсюда, – потянула я легонько за руку.

— Лина, это ода тому, что люди просто оставили это место на время. Они обязательно вернуться, – с надеждой произнес он.

У выхода мы заглянули в комнату неизвестного нам скульптора.

— Давай представим, что я художник. Творец! – пафосно произнес мой друг, – а ты моя Галатея, – засмеялся он.

— Пигмалион и Галатея? – улыбнулась я.

— Ну да. Так вот... я буду любить тебя вечно. Хоть ты и статуя, но ведь ожившая.

— Посмотрим, как ты будешь себя вести. Возможно Га-

латея тебя полюбит, – кивнула я.

— Наши чувства друг к другу будут жить вечно, – Паша уже не шутил, а смотрел на меня, чуть склонив голову.

— Хорошо. Я согласна, – ответила я ему подыгрывая и спустилась с табурета, выполнявшего роль пьедестала.

Мы вышли из заброшенной мастерской и направились к дороге, вившейся невдалеке.

Какое-то время мы шли молча. Спустя минуты, казавшиеся часами, Паша заговорил:

— Знаешь, я не шутил. Ведь правда, наши чувства будут жить вечно?

— Да, наверно.

— Когда мы придем в город мечты, ведь мы не расстанемся, правда? – воодушевленно спросил он.

— Ну конечно нет. Мы же друзья, – я удивленно взглянула на него.

— Это ты так думаешь, – задумчиво произнес он.

— А ты, разве нет?

— А я думаю, что мы, как Пигмалион и Галатея будем вместе не потому что мы друзья, – смотря куда-то в сторону, заверил он меня.

Однажды мы с Пашей не смогли найти убежище на ночь. Ни поселений, ни городов нам не встретилось по пути нашего следования. Зато путь нам преградила довольно широкая

река. Время было уже позднее, солнце давно опустилось за горизонт, тьма надвигалась. Вдали мы даже разглядели парусное судно.

— Паш, что-то мне не нравится местность. Красиво, конечно, но пахнет Средневековьем.

— Зато смотри, Лина, какая красота. Мы ведь давно такой не видели.

— Да, не спорю, но я бы предпочла отсюда поскорее убраться, – я с опаской осматривала все, что окружало нас.

— Впереди река, и как ты понимаешь, нам придется ее переплыть, – "ободрил" меня Паша.

— Ну, вроде, лодки какие-то стоят на берегу, но годные ли они, – попыталась я не впасть в панику и заняться чем-то полезным для нас обоих.

— Вот и проверим, – ответил Паша.

Мы спустились с крутого берега и попытались столкнуть в воду одну из лодок. Ей давно никто не пользовался, и лишь с большим трудом нам удалось ее сдвинуть с места.

— Лиха беда – начало, – промолвила я, падая на песок.

— Да не дрейфь, Лина, справимся, – заверил меня Паша.

— Паш, вот ты всегда знаешь, что все будет хорошо, или что мы справимся. Откуда ты можешь это знать? Может, в воде крокодил сидит и нас ждет.

— Ага. Никого больше. Именно нас поджидает. Ждет не дождется, – улыбнулся он.

— А вода, между прочим, опасная. И крокодил мог му-

тировать.

— Да ладно, какие вообще могут быть крокодилы в Сибири.

— Страшные, – улыбнулась я снисходительно.

Лодка, пока стояла на воде, никакой течи не дала и мы решились переплыть реку, не дожидаясь утра.

Я сидела у кормы, Паша греб к противоположному берегу. На середине реки ветер усилился, вода поднималась волнами. Я сидела не дыша. Сказать, что мне было страшно – ничего не сказать.

Мы уже миновали середину, когда что-то ударилось о днище лодки. От неожиданности я подскочила на скамейке. Паша принялся грести еще сильнее налегая на весла. Второй удар был уже сбоку. Мы с изумлением уставились друг на друга, после чего Паша громким шепотом сказал:

— А вот и крокодил.

В это время я уже увидела покрытое чешуей существо. Вернее его голову, и походила эта голова на... человеческую. Огромные выпученные глаза, покрытый струпьями череп, большой темный рот и огромные уши.

Я схватила запасное весло и принялась помогать Паше, попутно пытаясь отпихнуть подплывавшего монстра. Появился еще один, потом еще и еще. Только бы лодка выдержала и не перевернулась.

— Не дай им подплыть ближе, – прокричал Паша.

— Я стараюсь, – я с силой ударила одного из них по голо-

ве, другого отпихнула веслом.

Лодка достигла мели, и мы выскочили из нее и побежали по воде. Выбежали на берег, который к счастью был пологим и долго бежали подальше от реки.

Монстры нас не преследовали на суше. Мы упали с Пашей в изнеможении. Я смотрела на темное звездное небо. Покосившись в сторону, заметила, что Паша тоже смотрит вверх. Я пихнула его в бок и спросила:

— Ты знал ?

— О "крокодилах"?

— О водных мутантах.

— Точно, конечно, нет, но я догадывался, что в реке может быть что-то подобное.

— Хоть бы предупредил.

— Чтобы ты отказалась пересечь реку? И куда бы мы тогда?

— Но они могли нас съесть.

— Могли. Но не съели. Давай уйдем подальше отсюда.

Отдышавшись, мы задумались о ночлеге. По правде сказать, уже почти стемнело. Да и идти после такого стресса, как бегство от безумных монстров из реки, не особо весело. Спать в открытом пространстве тоже не было желания. Пришлось идти дальше. Мы брели, понуро опустив головы, отдавшись расслабленности и усталости.

— Паш, тебе не кажется, что переход от страшного холода и морозов к теплу произошел слишком быстро? Мы в пути

не больше двух месяцев, а сейчас далеко не сорок градусов мороза.

— Да, я думаю, градусов тридцать тепла.

— Странно это.

— Чего же здесь странного. После взрывов климат неуравновешен. Посмотри на это с другой стороны, не холодно идти.

Так за разговором мы дошли до железной дороги. Справедливо рассудив, что если идти вдоль полотна, то дойдем до сторожки, мы шли по шпалам на северо-восток.

Когда до желанного отдыха в маленьком домике оставалось всего ничего, Паша придержал меня за руку, остановившись сам.

— Тихо, – прошептал он и потянул меня вниз, пригнулся сам.

Вокруг сторожки ходили несколько человек по кругу друг за другом. Однако, присмотревшись, я бы не назвала их людьми. Бессмысленное выражение их лиц и походка с волочащимися ногами говорили о том, что эти особи явно не здоровы, как минимум.

— Надо убираться отсюда, – шепнула я Паше в самое ухо.

Я ничего не сделала из того, что могло привлечь к ним внимание этих тварей, но они как по команде повернули головы и направились в нашу сторону.

— Бежим, – Паша рванул меня за руку поднимаясь, и мы побежали прочь от железной дороги.

Лесополоса у насыпи так кстати переходила в березовые колки, за которыми начинался лес. Добежав до него, мы петляли среди деревьев, в надежде оторваться от монстров, которые плелись в нашу сторону.

— Не из реки же они вышли. Те, что были в реке, не преследовали нас по суше.

— Паш, я больше не могу. Нам надо отдохнуть.

— Хорошо. Найдем подходящее дерево. Спать будем на ветках. Так до нас не доберутся мутанты.

— Мы теперь белки? – слабо улыбнулась я.

Так на ветках, обвязавшись веревками мы и провели ночь. Выспаться особо не удалось, но мы хотя бы не падали от усталости.

В следующий день пути нам повстречались женщина с подростком. Эти двое не представляли собой опасности. Они даже заговорили с нами. Рассказали, что и у них здесь тоже было холодно, но недолго. Через пару месяцев пришла аномальная для этих мест жара за сорок градусов, сменившаяся той погодой, что стояла теперь. За разговорами мы не заметили, как сзади к нам подошли двое мужчин. Взгляд Паши заметался, когда он заметил опасность, но бежать было поздно.

Подошедшие два здоровяка грубо схватили нас, связали обоим руки толстыми веревками, больно впившимися в кожу запястьев, и потащили вглубь леса. И хоть мы пытались сопротивляться, но напавшие неожиданно и сзади, они име-

ли преимущество. Да и сил у них было гораздо больше, чем у нас при вечной нехватке еды.

В самой чаще оказался бревенчатый дом, огороженный частоколом. Нас втолкнули в деревянный сарай.

Глазам, непривычным к полумраку, поначалу ничего не удавалось разглядеть. Однако спустя несколько минут я все же рассмотрела в дальнем углу двух человек.

Подойдя ближе, я едва смогла сдержать вскрик, да и Паша, судя по всему, тоже. Эти изможденные люди, лежащие на земле, были прикованы цепями к бетонной плите у стены. На противоположной стене висели цепи, крюки, тесаки и еще какие-то железяки. От увиденного у меня на лбу выступила испарина, а по спине побежали тоненькие струйки холодного липкого пота.

С улицы послышались голоса. Оба мужчины метнулись туда, открытая ранее тяжелая деревянная дверь закрылась, преграждая доступ света в помещение. Лишь сквозь небольшое окно с мутным стеклом на самом верху одной из стен, проникали слабые солнечные лучи.

— Не нравится мне все это, – поморщилась я.

— Давно вы здесь? – спросил Паша у двух худых мужчин.

— Не знаем. Может, неделю. Может, две, – ответил один из них.

— Что это за место, – спросила я.

— Они забирают каждый лень кого-то из нас. Уводят. Никто не возвращается. Нас было пятеро.

Я взглянула на Пашу.

— Надо выбираться отсюда. Они скоро вернутся. Нас не приковали, потому что их отвлекли, а мы с тобой всего лишь подростки в их глазах, — сказал он.

— А с ними что делать? — кивнула я на лежащих.

Паша прошел вдоль стен, пока не нашел то, что искал. Он попытался отогнуть гвоздь, вбитый в стену. Я помогала, сменяя его, пока он разминал уставшие пальцы. Отогнуть гвоздь от стены связанными сзади руками оказалось совсем не просто. После пришлось повозиться, пока у него получилось перетереть веревку об острую выступающую часть.

Освободив руки, Паша снял со стены тесак и перетер им веревку на моих руках. Вместе мы стали выдергивать из бетонной плиты крюки с помощью выдерги. Мы возились, пока один из мужчин не принялся нам помогать. Совместными усилиями удалось освободить их обоих.

С дверью проблем не возникло. Той же выдергой мы открыли ее. Паша чуть высунулся наружу и оглядел двор.

— Идемте скорее, — кивнул он нам, схватил меня за руку, и мы побежали к воротам. Двое освобожденных пленников не отставали от нас. Они бежали, подхватив цепи в ладонях.

Позади раздался женский визг.

— Они убегают, — кричала женщина.

Послышался топот. За нами явно гнались. Мы уже были недалеко от деревьев, среди которых могли затеряться и скрыться, но проворные сытые хозяева дома не желали рас-

ставаться с пытающейся спастись добычей. Пришлось развернуться и встретиться с нелюдьми лицом к лицу. Один ударил Пашу. Тот пытался сопротивляться. Но семнадцатилетний худенький, хоть и высокий подросток не мог сравниться со здоровенным тридцатилетним здоровяком. Второй из нападавших имел такое же мощное телосложение, как и первый. Они вообще были похожи друг на друга, видимо, братья. Он накинулся на одного из наших освобожденных товарищей.

Паша увернулся от удара, в легкости ему не откажешь, и ударил ребром ладони наискосок по шее ревущему, как племенной бык, мужику. Я, опомнившись, сзади ударила ногой его под коленом. Мужик не удержался на ногах, и мы принялись колотить его изо всех сил по чем попало. Ну я во всяком случае. Паша, не давая встать, заломил ему руки сзади. Второго нападавшего за время, что мы возились с первым, наши товарищи по несчастью успели придушить цепями, болтавшимися у них на руках. Паша снял с пояса лежащего на земле громилы, ключи от наручников и бросил их беглецам.

Мужик, на котором сидел Паша, пришел в себя и, увидев мертвого брата, обезумел и начал выть.

Освободившись от наручников и цепей, наши товарищи обошли воющего мужика и мы все бросились в лес. Только Паша задержался, чтобы оглушить здоровяка.

Мы бежали, пока злополучный дом не остался далеко позади.

Тогда уже обнаружилось, что мужик в пылу драки ударил Пашу ножом по бедру. Удар прошел по касательной, но рану необходимо было обработать. Вот только чем?

От каннибалов мы сбежали. Нервы, конечно, это вымотало нам всем изрядно. Поначалу мы шли постоянно озираясь.

Теперь нас стало четверо. Наши невольные спутники по бегству рассказали, что попались, когда блуждали в поисках пропитания.

Паша в свою очередь рассказал, куда направляемся мы. Андрей и Толя решили присоединиться к нам. Вчетвером мы отправились в город мечты, туда, где живут выжившие.

По пути я внимательно смотрела по сторонам, пытаюсь найти подорожник, тысячелистник или что-то подходящее. Насобирав травы, остановились, развели костер и вскипятили в жестянке из под консервов отвар.

— Куда направляетесь? – задал нам вопрос встретившийся на пустынной дороге старик. Его уставшее лицо несло на себе отпечаток вселенской скорби. Я уже хотела было ответить, как почувствовала на себе взгляды моих спутников.

— Молчи, – прошипел Андрей.

— Да он же всего лишь старый человек, – подивилась я и тут же вспомнила приветливо разговаривавшую женщину, благодушие которой слетело с нее сразу же после появления ее друзей-людоедов.

— Чего молчите? Опасаетесь? – не обиделся старик, – ну

оно и правильно. Ноне столько всякого лихого люда разве-лось.

Дорога была абсолютно пустынная, но Андрей и Толя продолжали смотреть, повернувшись в разные стороны, а Паша спросил:

— Не слышал ли ты, дедушка о городе выживших?

— Слышал. Да только, думаю, сказки это все. Хотя попробывать, может, и стоит. Значит вы ищете город-призрак?

— Вроде того. Только надеемся, что он настоящий.

— Я уже ни на что не надеюсь. Ну ступайте. Авось, что найдете, сказал старик.

— Дедушка, мы еле ноги унесли, не ходите туда, – махнула я рукой в сторону откуда мы шли. Там семейство людоедов.

— Обойду. Не впервой. Спасибо за предупреждение.

— Мы не можем оставить ее на дороге. Она не выживет, – я говорю это и вижу как морщится Андрей, и отводит в сторону глаза Толя.

Девочка доверчиво смотрит широко раскрытыми голубыми глазами, переводя взгляд с одного на другого из нас. Рядом никого. Только слышно, как ветер завывает, пронося по дороге опавшие листья.

— Где-то должны быть ее родители, – с надеждой выдав-

ливаает из себя слова Андрей, оглядывая лежащую перед нами местность. Но ничего, кроме пустынных заброшенных полей по обеим сторонам дороги, нет.

— Где? Ты их видишь, — с непонятым мне самой вызовом, — спрашиваю я.

Мне тоже хочется, чтобы сейчас появился кто-то из родителей малышки, но рядом никого нет. Вокруг пустынная тишина.

Мы прошли через переправу на реке, когда мутанты нас едва не вытолкнули из лодки и не сожрали, встретились с бродячими зомби, едва не стали жертвами каннибалов. Разве можно в таком мире оставить трехлетнего ребенка одного.

Подхватываю ее на руки и иду вместе с ней, стараясь не обращать внимания на шипение Андрея, и их перешептывания с Толей.

Через какое-то время Паша сменяет меня и несет ребенка на руках.

Дорога наша представляла собой изогнутую кривую, скорее даже зигзаг. День сменялся ночью, свет, тьмой.

Дни шли за днями. Выйдя из нашего города мы оставались очень далеки от прибытия в призрачный город выживших. Нам встречались очень разные места, через которые приходилось идти, минуя всевозможные препятствия. Словно музыка при этом наполняла наши души и указывала нам путь,

каким бы трудным он не был.

Шли мы и по прямой, и по извилистым дорогам, приходилось огибать различные препятствия, в основном в виде рек или заброшенных городов с населением, превратившимся в банды, подчиняющиеся законам диких джунглей.

Вдали показался город. Это очень громкое название для того, что лежит перед нами. Все те же руины, что мы видели прежде.

Никакого "города выживших" нет. Есть просто выжившие люди, такие же, как и мы, в таком же, как и наш, разрушенном городе.

Возвращаться обратно не имело смысла. Когда я покидала бункер, в нем оставались несколько человек, не захотевших отправиться с нами в дальний путь.

Новый город, такой же разрушенный, как и наш прежний, но с большим количеством людей, постепенно стал оживать. Люди разгребали завалы, расчищали территорию для постройки новых зданий. Жизнь постепенно брала свое.

Мы все пока жили с прежними хозяевами в одном из более менее сохранившихся зданий. Каждый день выходили на работы по восстановлению города.

Стало точно известно, что взрывы были с малым применением небогатенного урана, но они сопровождались еще и распространением особых вирусов, приводивших к быстрым мутациям при малейших повреждениях. Со временем

вирусы разрушались под воздействием солнечного света. Теперь требуется сделать все возможное, чтобы не дать погибнуть планете.

2023

#Лариса_Сугатова@pisateli_rf
#чтопочитать#романы #янгэдалт